

ПОЛТАВА И ФРИДРИХСГАМ. 1709 — 1809 ГОДЫ: ДВЕ ЭПОХАЛЬНЫЕ ДАТЫ В ИСТОРИИ РОССИИ И СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Рогинский В.В.

Статья посвящена анализу взаимосвязи двух ключевых событий в истории России XVIII–XIX вв. Автор показывает историческую связь между знаменитой Полтавской битвой 1709 года и подписанием Фридрихсгамского мира в 1809 году, поскольку эти два события коренным образом повлияли на перекройку политической карты Северной Европы.

Ключевые слова: Полтава, Фридрихсгам, Северная Европа, Россия, 1709—1809 гг.

Keywords: Poltava, Fredrikshamn, Northern Europe, Russia, 1709—1809

В 2009 году отмечались два знаменательных юбилея, прямо связанных с отношениями России со Швецией в новое время. Триста лет назад, 27(28) июня / 8 июля 1709 г. под украинским городом Полтава произошло знаменитое сражение, в котором была разгромлена армия шведского короля Карла XII. Через сто лет, два месяца и девять дней 5/17 сентября 1809 г. в финском городе Хамина (шведскоязычное название Фридрихсгам), тогда находившимся во владениях российского императора, был подписан мирный договор, завершивший последнюю в истории войну между Россией и Швецией 1808—1809 годов, известную в историографии стран Северной Европы как «финская война».

Обе эти даты исторически связаны друг с другом, несмотря на то, что их разделяет чуть больше столетия. Эти даты знаменовали этапы не только в истории двух стран — России и Швеции, но всей Европы, поскольку события, связанные с этими датами,

не только коренным образом перестроили всю политическую карту Северной Европы, но и изменили ход европейской истории.

К началу XVIII в. с начала XVI в. на Севере Европы существовала биполярная система двух многонациональных, полиэтнических государств, которые мы знаем под названиями «Швеция» и «Дания». В 1815 г., когда была подведена черта под бурной эпохой наполеоновских войн, политическая карта североевропейского региона существенно образом изменилась, и решающую роль в этом сыграли два события, трехсотлетний и двухсотлетний юбилеи которых мы отмечали в 2009 году.

Уже Полтавская победа фактически положила конец великодержавию Швеции, ее положению как европейской великой державы, диктовавшей положение дел, по крайней мере, в северной половине европейского континента. Этого положения великой державы Швеция начала добиваться

Рогинский Вадим Вадимович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела новой истории ИВИ РАН, e-mail: vadimroginskij@mail.ru. Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ «Формирование и эволюция международно-политических систем XIX – XX вв.: место и роль России» Грант № 09-01-00286 и/р.

История

с середины XVI в. после завоевания независимости от датской династии Ольденбургов, выхода из Кальмарской унии в 1521—1523 гг. и занявшего несколько десятилетий процесса внутренней консолидации при первом национальном короле нового времени Густаве I.

Шведская империя¹, в состав которой еще с XII в. входила завоеванная Финляндия, была создана к началу 1660-х годов благодаря присоединению Эстляндии и Ревеля в 1561 г., победам в Ливонской войне XVI в. и вмешательству в российскую смуту начала XVII в., когда по Столбовскому миру 1617 г. было упрочено владение Эстляндией и присоединены Карельский (Кексгольмский) уезд и Ингерманландия (Ингрия или Ижорская земля, ныне Ленинградская область)², победам Густава II Адольфа над Речью Посполитой, обеспечивших шведам по Альтмарскому перемирию 1629 г. владение значительной частью Лифляндии и самым большим портом Балтики – Ригой³. Эти завоевания были элементами обеспечения господства Швеции на Балтийском море, превращения Балтики в «шведское озеро», программа чего была сформулирована еще в середине XVI в. – «*Dominium Maris Baltici*». Суть этой программы состояла в том, чтобы взять под шведский контроль прибыльную торговлю Восточной и Центральной Европы со морскими странами Западной Европы – Англией, Францией, Нидерландами⁴.

Следующий этап формирования шведской империи пришелся уже на эпоху Тридцатилетней войны, точнее, на ее вторую половину, когда шведский король Густав II Адольф активно вмешался в эту войну. Победоносное участие шведов в Тридцатилетней войне принесло им по Вестфальскому миру 1648 г. – Верхнюю Померанию, часть Нижней Померании, острова Рюген, Узедом и Воллин, а также г. Висмар в Германии. Почти одновременно, в период завершения Тридцатилетней войны, когда Дания неудачно попыталась воспользоваться тем, что Швеция основательно втянулась в войну в Германии, в августе 1645 г. по условиям Бремсебурского мира с Данией в состав Швеции вошли бывшие норвежские провинции Емтланд и Херьедален, а также острова на Балтике – Готланд и Эзель (Сааремаа – ныне Эстония)⁵. В результате новых войн с Данией король Карл X Густав сумел к 1661 г. захватить и включить в состав Швеции датские провинции на юге Скандинавского полуострова – Сконе, Блекинге и Халланд, норвежскую провинцию Бохуслен. Это было максимальное расширение Шведской империи, которая в результате своей завоевательной политики оказалась окруженной жаждавшими реванша врагами – Россией, Данией, Речью

Посполитой, Бранденбургом (с 1701 г. – королевство Пруссия).

В самом конце XVII в. государи первых трех стран – российский царь Петр I, король Дании – Норвегии Фредерик IV и курфюрст Саксонии Август II Сильный, избранный королем Польши – заключили антишведский союз – «Северную Лигу», который в 1700 г. и начал против Швеции войну, продолжившуюся до 1721 г. и получившую потом название «Великой Северной». Союзники рассчитывали одновременным нападением на Швецию нанести ей быстрое поражение. Учитывалось и то, что Швеция не могла рассчитывать на серьезную поддержку западных держав – Франции и Англии, которые собирались схватиться друг с другом в войне за испанское наследство. Союзником Швеции был фактический вассал датского короля герцог Гольштейн-Готторпский Фридрих IV, мечтавшего о том, чтобы избавиться от зависимости от Швеции, для чего он укрепил свои связи с ней, женившись в 1698 г. на сестре Карла XII Хедвиге Софии.

Весной 1700 г. союзники не замедлили открыть военные действия. Польско-саксонские войска под командованием Августа вторглись в Лифляндию и осадили Ригу, датская армия напала на Теннинген, крепость построенную при помощи шведов на герцогской территории Гольштейна⁶. Петр срочно собирал огромную (по тем временам) армию, чтобы двинуться на Эстляндию. План казался безупречным. В расчет было принято и то, что во главе Швеции в тот момент встал юный король Карл XII.

Однако на первых порах события развернулись совсем не так, как намечали союзники.

Талантливый юный король – полководец Карл XII сумел по отдельности нанести поражение всем своим противникам – сначала датскому королю Фредерику IV, выведя Данию из войны, затем нанес сокрушительное поражение под Нарвой Петру I, а после этого повел военные действия против Августа Сильного, короля Польши и курфюрста Саксонского.

Гаранты Альтонского соглашения не замедлили вмешаться – англо-голландский флот помог запереть датский в копенгагенском порту, в то время как шведские войска под командованием молодого воителя Карла XII высадились на Зеландии. Напуганный Фредерик IV поспешил забить отбой и быстро заключить перемирие. В северогерманском городке близ Любека – Травентале 18 августа был подписан договор между датским королем и гольштейн-готторпским герцогом Фридрихом IV, за которым сохранялось право на армию и крепости. Трактат в основном подтверждал гарантийные положения Альтонского договора,

запрещая при этом Дании выступать против Швеции, которая однако теперь в состав гарантов не была включена⁷. Таким образом, Датско-Норвежское королевство вышло из Северной войны.

В 1706 г. после ряда поражений, смещения Августа с польского трона и воцарение на нем ставленника Карла XII Станислава Лещинского и вторжения шведов в Саксонию, второй главный участник «Северной лиги» был выведен из игры. Карл XII, казалось, не только устранил возможные угрозы положению Швеции как великой державы, но своими победами значительно упрочил его, выполнив давнюю мечту шведских королей – поставить под контроль Речь Посполитую, наследственного врага Швеции.

Однако дальнейшие события показали, сколь непрочны были шведские успехи. При всех своих дарованиях полководца и блестящего тактика, Карл XII оказался весьма посредственным стратегом и еще более посредственным государственным деятелем. Бесспорная личная храбрость часто перерастала в авантюризм. Отсутствие желания слушать умудренных опытом и трезво мыслящих советников, рекомендовавших искать мира дипломатическим путем, крайняя самоуверенность в принятии решений при сосредоточении всей власти в руках короля, повернули Карла XII на тот путь, который и привел к Полтаве. К тому же, у Карла XII была безудержная вера неистового протестанта в божий промысел, в покровительство Бога, в распростертую над ним длань божью, хранящую его в сражениях. Отсюда многие его известные экстравагантные поступки, как визит почти без охраны к Августу Сильному в Дрезден после унижения последнего в Альтранштедте или личное участие в захвате языка накануне Полтавы и ранение в стычке. Завоевательные амбиции Карла XII со временем расходились с реальными возможностями страны, вели к истощению людских и материальных ресурсов, к общему ее упадку.

В 1708 г. Карл XII начал свой роковой поход в Россию. События 1708—1709 гг. широко известны, и вряд ли здесь нужно пересказывать их.ход кампании привел шведскую армию под стены, вернее бастионы, небольшой крепости в восточной Украине – Полтавы, около которой и состоялось знаменитое сражение, сыгравшее столь важную роль в истории не только обеих противостоявших сторон – России и Швеции, не только всего северо-европейского региона, но и всей Европы. В результате сокрушительного поражения шведов произошла существенная перестройка всей системы международных отношений в Европе, которую обычно называют Вестфальской (по названию мирных договоров, завершивших

Тридцатилетнюю войну в 1648 г.) Во-первых, в одночасье Швеция утратила статус великой державы, и, фактически, гаранта Вестфальской системы. В европейскую систему включилась Россия, которая до этого занимала несколько маргинальное положение, и это новое положение было зафиксировано статусом империи, провозглашенной после заключения в 1721 г. Ништадтского мира, который подвел черту под Великой Северной войной.

В конце концов, через 11 лет, по Ништадтскому мирному договору с Россией, Швеция была вынуждена согласиться на утрату Эстляндии, Лифляндии и юго-восточной части Финляндии с г. Выборг. Положение великой державы было утрачено Швецией навсегда, что, как признается сегодня, оказало благоприятное воздействие на будущее развитие страны.

Парадокс истории состоял в том, что по своим масштабам Полтавская битва была довольно скромным столкновением между не столь уж значительными вооруженными силами. С обеих сторон, под Полтавой участвовали русская армия, численностью 42 тыс. чел., 72 орудия, и шведская – около 20 тыс. чел. и 4 орудия (28 орудий остались в обозе без боеприпасов), причем остальные войска Карла XII (до 10 тыс. чел.), в том числе часть запорожцев и украинских казаков гетмана И. С. Мазепы находились под Полтавой. В итоге сражения, включая и капитуляцию основных шведских сил под Переволочной, шведы потеряли свыше 9 тыс. убитыми и свыше 18 тыс. пленными, орудия и обоз; потери русских оказались значительно скромнее – 1 345 чел. убитых и 3 290 раненых. Цифры по тем временам уже довольно скромные.

Ведь параллельно с войной Швеции в Западной Европе шла гораздо более масштабная война великих держав того времени, т.н. «война за испанское наследство». Все крупные сражения этой войны по своим масштабам превосходили Полтавское сражение. Так в сражении 13 августа 1704 г. у Гохштедта соединенные армии австрийцев и англичан численностью в 60 тыс. человек разгромили франко-баварские войска (56 тыс. человек), переломив ход войны. В ходе этого сражения потери франко-баварских войск составили 28 тыс. человек, а англо-австрийской армии – 12,5 тыс. человек. 23 мая 1706 г. при Рамини, в Испанских Нидерландах (Бельгия) британская армия под командованием герцога Мальборо разгромила 80-тысячную французскую армию, потери которой составили 20 тыс. человек. В следующем сражении войны за испанское наследство, которое произошло в Италии, под Турином, 7 сентября 1706 г. 60 тыс. французов, осаждавшие город, были разгромлены австрийской армией численностью

в 36 тыс. человек, применившей тактику массированного, сосредоточенного удара по выстроенным в линейный боевой порядок французам. Французская армия потеряла в этом в сражении 40 тыс. человек, французы вынуждены были оставить Италию. И, наконец, в самом крупном сражении войны за испанское наследство, битве при Мальплаке, участвовало всего 207 тыс. солдат при 180 орудиях, было убито 44 тыс. человек.

Полтавское сражение стало апогеем Великой Северной войны, предопределившим ее окончательный исход, хотя завершивший войну мир будет подписан через двенадцать лет, в Ништадте (финское название города Уусикаупunki) в 1721 г. Теперь Россия вошла в систему великих европейских государств, что формально было закреплено присвоением в том же 1721 г. Петру I титула императора, что превращало Российское государство в Российскую империю. Швеция же утратила положение великой державы.

Однако осознание нового положения шведами пришло не далеко не сразу. На протяжении XVIII и даже XIX—начала XX века в Швеции были распространены реваншистские, антироссийские настроения, которые иногда приводили к новым конфликтам с Россией. С 1730-х годов носителями этих реваншистских настроений стала парламентская «партия шляп» в риксдаге, который после крушения самодержавия Карла XII стал фактически главным руководящим институтом страны, формировавшим правительство (т.н. «сословный парламентаризм» эры свобод 1719—1772 гг.). Попытки партии шляп добиться реванша в войнах с Россией 1741—1743 гг., и затем короля Густава III в 1788—1790 гг. оказались неудачными. Более того, в результате Абоского мирного договора 1743 г., подведшего итог войне, граница между Россией и Швецией в Финляндии была отодвинута еще западнее.

В историографии двух главных действующих акторов этой войны – России и Швеции изучение Великой Северной войны шло как бы параллельно. Историки обеих стран часто просто-напросто не владели языками своих бывших противников, русские – шведским языком, а шведы – русским. Поэтому одна сторона не учитывала результаты, которые делала другая сторона. Иногда даже создается впечатление, что речь у русских и у шведов идет как бы о двух разных войнах. Конечно, интерес в России к тому, что и как писали шведские историки, а в Швеции, что же писали в России об этой войне, существовал, но в силу указанной выше причины, лингвистической, труды и документальные издания бывших противников не исследовались. Очень часто война 1700—1721 г.

представлялась всего лишь как двусторонняя война между Россией и Швецией⁸, а то, что это была война, в которой участвовали и другие европейские государства, отодвигалось на задний план.

Пожалуй, удачным исключением из «изоляционистской» тенденции отечественных историков была фундаментальная работа Е. В. Тарле о Северной войне, точнее о ее первом периоде, подготовленная им на закате его дней, и вышедшая посмертно в 1958 г.⁹ При всех поправках на время, когда эта работа создавалась – конец 1940-х годов, когда в стране шла кампания борьбы с космополитизмом и с низкопоклонством перед Западом, и вынужденные экивоки на этот счет, в целом книга Тарле остается серьезнейшим, глубоким исследованием, где учтены и шведские работы, в том числе и документальные публикации, часто просто игнорируемые отечественными историками. В результате мы часто имеем две близкие по содержанию, но далеко не всегда совпадающие в трактовках истории Северной войны¹⁰. Однако активное преодоление лингвистического барьера имело место в прошлом (помимо Тарле работы и документальные публикации шведов использовали исследователи заключительного периода Великой Северной войны – С. А. Фейгина¹¹ и Л. А. Никифоров¹²).

Несколько раз предпринимались попытки довести до относительно широкой публики результаты исследований и выдвигавшиеся концепции путем переводов этих трудов со шведского на русский и наоборот. Например, в начале XX в. на русский язык было переведено исследование представителя новой школы Оке Стиле¹³. В конце века, в 1995 г. появился русский перевод нашумевшей в Швеции книги Петера Энглунда о Полтавской битве. Примерно тогда же, в 1999 г., на русском языке вышел под редакцией Сверкера Уредссона и в переводе доктора исторических наук В. Е. Возгина сборник статей подготовленный, в основном, шведскими историками «Царь Петр и король Карл. Два правителя и их народы». На русский язык, впрочем, как и на многие другие, была переведена и новаторская работа видного шведского историка Петера Энглунда о Полтавской битве, в которой делается однозначный вывод о вредоносности для Швеции милитаризма¹⁴. Сколь большой отклик получил вклад Энглунда отражает тот факт, что в 2002 г. он был избран членом Шведской Академии, сменив на кресле № 10 покойного патриарха шведской исторической науки Эрика Ленрута.

За последние десятилетия внимание российских историков было направлено не только к личности Петра Великого и его сподвижников (можно назвать

труды Н. И. Павленко¹⁵ и Е. В. Анисимова¹⁶), но к шведскому королю Карлу XII¹⁷ и его генералам, чего не было раньше. Здесь надо отметить работы военного историка А. В. Беспалова, который попытался посмотреть на события Великой Северной войны как бы со шведской стороны, с использованием шведских материалов¹⁸. Существенным вкладом и изучение дипломатической истории Великой Северной войны, внешней политики Дании и русско-датских отношений, стали работы Санкт-Петербургского историка-скандинависта В. Е. Возгрина¹⁹.

Уже в советское время в связи с развитием отечественной скандинавистики (нордистики) более объемный подход к истории Великой Северной войны стал характерен для общих трудов по истории стран Северной Европы, прежде всего, одного из патриархов скандинавистики А. С. Канна²⁰. Учитывали достижения отечественной и скандинавской историографии подготовленные в Институте всеобщей истории РАН коллективные труды по истории Швеции²¹, Норвегии²² и Дании²³. Полезным вкладом в изучение этой проблематики стала проведенная в декабре 2006 г. в Санкт-Петербурге международная научная конференция «Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в.»²⁴ 300-летний юбилей способствовал появлению новых книг о Великой Северной войне, в частности, о Полтаве, проведение научных конференций. Новые интересные работы появились в юбилейном 2009 году.

В конце XX—начале XXI столетия события трехсотлетней давности, нашествие армии Карла XII на Россию и сражение под Полтавой, приобрели новый, хотя вполне ожидаемый оттенок. Дело в том, что основные события 1708—1709 гг. разворачивались на территории тогда России, а сегодня Украины, независимого государства, где происходят сложные, противоречивые процессы становления национального менталитета страны. Отсюда и противоречивость, иногда парадоксальность восприятия этих событий. Это происходит оттого, что, стремясь к национальной легитимизации, часть украинской элиты делает упор на те события прошлого, которые как бы отделяют историю Украины от истории России, и более того, противопоставляют одну страну другой, один народ другому. На первый план выдвигаются деятели прошлого, стремившиеся к созданию независимого украинского государства, в котором можно было бы видеть предшественника современной Украины. В нашем контексте это, конечно, знаменитый гетман Иван Мазепа с его сподвижниками. Для этой части украинской элиты история этих двух лет предстает совершенно в ином ракурсе. Создана довольно

стройная концепция событий этих нескольких лет Великой Северной войны. (Другой вопрос, насколько эта концепция адекватна, насколько она соответствует тогдашним историческим реалиям). В самом сжатом виде эта концепция выглядит следующим образом: Гетман Мазепа, глава Украины, в 1708 г. вступил в союз со Швецией, с ее королем Карлом XII, пришедшим со своей армией на Украину. Однако этот союз двух стран, суливший, якобы, Украине и украинцам независимость и процветание в будущем, был грубо разрушен русской армией Петра I, нанесшего жестокое поражение шведам под Полтавой.

Здесь мы присутствуем при возрождении исторического мифа, лишь частично совпадающего с исторической реальностью. Взаимоотношения Карла XII и Мазепы были прагматическими. Каждый хотел извлечь выгоды для себя, но их возлагавшиеся друг на друга надежды не оправдались.

На наш взгляд, одним из существенных факторов, предопределивших крушение надежд Мазепы, был тот, что основная масса украинского народа не пошла за ним, оставшись верной выбору, сделанному еще в 1654 году. Наблюдаемая ныне на Украине политизация событий трехсотлетнего юбилея Полтавы отвлекает от их серьезного научного анализа. С другой стороны, чересчур нервная, граничащая с истерикой, неадекватная реакция кое-кого в России на то, как освещаются эти события в Украине, также не способствует серьезному познанию прошлого и способна вызвать лишь взаимное отчуждение. Серьезную попытку осмыслить события на Украине начала XVIII в. предприняла Санкт-Петербургская исследовательница Т. Г. Таирова-Яковлева – руководитель Центра по изучению истории Украины при кафедре истории славянских и балканских стран Санкт-Петербургского государственного университета, в ряде своих трудов²⁵.

Моделью преодоления этого отчуждения могут стать современные взгляды, господствующие в шведской историографии, даже шире – в шведском менталитете, когда события Великой Северной войны, король – полководец Карл XII, Полтавская баталия рассматриваются шведами не с националистическо-имперских, часто довольно узких позиций, как это часто бывало прежде, а в гораздо более широком ракурсе. Шведы усматривают в событиях эпохи Великой Северной войны исторический урок, который побудил шведов сменить вектор исторического развития, отказаться от имперских, великодержавных иллюзий. Сегодня Карл XII для шведов, жителей одной из самых благополучных стран мира, это лишь исторический персонаж, напоминающий о пагубности экспансионизма.

Дальнейшее серьезное изучение событий начала XVIII в., Великой Северной войны 1700—1721 гг., становлении России как великой европейской державы, пусть трудное, тяжелое, далеко не всегда однозначное, утрата Швецией своего великодержавия, возвращение ее к своей «естественной» территории, наконец, увязка Великой Северной войны с происходившей почти одновременно войной за «испанское наследство», в которой участвовали все ведущие державы Западной Европы, поможет лучше понять то сложное время, основным содержанием которого был постепенный переход от традиционного общества в его европейском варианте к современному.

В начале XIX века, когда вся Европа сотрясалась наполеоновскими войнами, наследие прошлого осложняло отношения между Россией и Швецией, хотя внешне обе страны оказывались в союзнических отношениях (Дротнинггольмский договор 1791 г., Гатчинский договор 1799 г., участие России и Швеции в третьей и четвертой антинаполеоновских коалициях в 1805—1807 гг.) В 1805 г. на Севере Германии русские и шведские войска сражались против наполеоновских армий в составе совместного экспедиционного корпуса, которым командовал сам шведский король Густав IV Адольф. Однако проблемы оставались. В Швеции не угасли реваншистские настроения, в России, исходя из геостратегических взглядов, иногда мелькала мысль о возможном присоединении всей Финляндии для обеспечения безопасности северной столицы империи. В самой Финляндии у части элиты зрели настроения в пользу отделения от Финляндии с альтернативой либо присоединения к России с получением самой широкой автономии, либо даже независимости, также под покровительством России. Эти настроения проявились во время русско-шведской войны 1788—1790 гг. и продолжали существовать в Финляндии в самом конце XVIII—начале XIX вв. Самым видным представителем этих настроений был Ирье (Георг) Мауну (Магнус) Спрентгпортен, полковник шведской армии, в 1780-х гг. перешедший на службу в российскую армию после того, как он предложил Екатерине II коренным образом перекроить политическую карту Северной Европы. По идеям Спрентгпортена Финляндия должна стать или независимым государством под покровительством России, или вообще присоединиться к Российской империи, а Швеции в качестве компенсации должна быть отдана принадлежавшая датской короне Норвегия²⁶.

Коренной перелом в международной системе в Европе произошел летом 1807 г., когда Россия, потерпев серьезные поражения в войнах против Наполеона в 1805 и 1807 годах, перешла на его сторону.

Заклученный в Тильзите мир и союз между Александром I и Наполеоном вывел Северную Европу на авансцену международной политики. Перед Швецией оказалась дилемма: сохранить прежний антифранцузский курс, союз с Великобританией, или же последовать за Российской империей. После некоторых колебаний шведский король Густав IV Адольф предпочел сохранить прежний курс, что и стало причиной войны с Россией.

Новая, на этот раз последняя, русско-шведская война, начавшаяся в феврале 1808 г. и завершившаяся подписанием в сентябре 1809 г. мирного договора во Фридрихсгаме, лишила Швецию всей Финляндии, которая стала автономным Великим княжеством в составе Российской империи.

5/17 сентября 1809 г. в небольшом финляндском городе Фридрихсгам (финское название Хамина) высокопоставленные представители российского императора Александра I и короля Швеции Карла XIII были подписан договор, который подвел черту под последней в истории войной между Россией и Швецией, получившей в североευропейской исторической традиции название «финской».

В отечественной историографии пока нет обстоятельной работы, которая на современном уровне рассмотрела бы и предысторию Фридрихсгамского трактата, и проанализировала бы его содержание и значение. В российской дореволюционной историографии общие сведения о Фридрихсгамском мирном договоре и о предшествовавших ему подписанию переговоров писали историки консервативно-охранительного направления К. Ф. Ордин²⁷, а затем М. Бородин²⁸. В советское время о Фридрихсгамском мирном договоре информацию можно найти в предвоенной книжке 1940 г. полковника Г. Ф. Захарова (в будущем генерала армии), книге И. С. Киняпиной (1963)²⁹ и, наконец, в статье ленинградский историк-скандинавист Л. С. Смузина (1976)³⁰. В 1965 г. заключения этого договора коснулся, правда, в самых общих выражениях в связи с присоединением Финляндии к Российской империи в своей опубликованной докторской диссертации карельский историк, профессор Петрозаводского государственного университета И. И. Кяйвяряйнен³¹. Значительный источниковый материал опубликован в 1960-х годах в четвертом и пятом томах первой серии издания «Внешняя политика России XIX и начала XX века»³².

Более обстоятельно дипломатическая предыстория и история войны 1808—1809 годов, включая заключение Фридрихсгамского мира, была освещена в шведской (Эрик Хамнстрем³³, Андерс Граде³⁴, военно-исторический труд шведского генштаба о русско-шведской войне 1808—1809 гг.³⁵, биография шведского дипломата Курта фон Стединга,

написанная Карлом Хенриком фон Платеном³⁶) и финляндской историографии (Пявие Томила³⁷). В этой литературе события рассматривались, как правило, только в перспективе всего лишь нескольких лет, 1807—1809 годов, и под углом зрения двусторонних российско-шведских отношений. Для историков это было событие лишь во взаимоотношениях двух государств России и Швеции. Весьма скупо говорилось о ходе дипломатических переговоров, предшествовавших заключению Фридрихсгамского договора. Иногда подчеркивалось его значение для судьбы Финляндии, но никогда не говорилось уже о последствиях Фридрихсгамского мира для становления новой архитектуры международных отношений во всем североевропейском регионе, имевшего первостепенное значение и для России.

В данной статье делается попытка проанализировать текст самого трактата, кратко показать ход переговоров, предшествовавших его подписанию, посмотреть, как трактат был встречен в России, прежде всего, с официальной стороны. Кроме того, по мнению автора, сам Фридрихсгамский мирный договор был первым, быть может, важнейшим, но не единственным блоком в строительстве новой международной системы в регионе, которая стала складываться в это время и которая определит курс российской внешней политики в североевропейском направлении на многие десятилетия вперед.

Переговоры о подписании договора шли чуть больше месяца. С российской стороны их вели сам министр иностранных дел Российской империи граф Николай Петрович Румянцев и видный российский дипломат Давид Михайлович Алопеус, с 1803 по 1808 г. посланник в Стокгольме, а со шведской — барон Курт фон Стединг, еще с 1792 г. вплоть до начала русско-шведской войны, занимавший пост шведского посла в Санкт-Петербурге, и полковник Андерс Фредрик Шельдебранд. 2/14 августа 1809 г. встретились шведские и российские уполномоченные. Официальные переговоры начались на следующий день, 3/15 августа. Переговоры шли интенсивно, их держал под контролем находившийся не очень далеко от места события, в Санкт-Петербурге император Александр I. С самого начала шведы согласились признать переход Финляндии под эгиду России и присоединиться к континентальной блокаде. Спорными оставались лишь два вопроса: судьба Аландских островов и точное определение будущей российско-шведской (финляндско-шведской) сухопутной границы на севере. Российское предложение состояло в том, чтобы установить эту границу по реке Каликс-эльв, впадавшей в Ботнический залив.

Шведы хотели провести ее гораздо восточнее, по реке Кеми-йоки, также впадавшей в Ботнический залив. После бурных препирательств пришли к компромиссу: остановились на реках Торнион-йоки и Муонио-йоки, протекавшим как раз между Каликс-эль и Кеми-йоки. В вопросе об Аландах, которые шведы считали ключом к Швеции, российская дипломатия была непреклонна, и под давлением не только дипломатическим, но и военным (российские войска были уже на территории собственно Швеции) шведские дипломаты были вынуждены отступить. В сентябре шведам, тщетно надеявшимся на поддержку Наполеона, стало ясно, что затягивание переговоров может дорого стоить Швеции, и они пошли на уступки, тем более что с российской стороны недвусмысленно дали понять, что готовы на смягчение условий присоединения к континентальной блокаде.

Итак, 5/17 сентября, повторяем, текст договора был подписан³⁸.

Посмотрим, каковы же были условия этого важнейшего и в истории России, и в истории Швеции, да и всего североевропейского региона трактата (текст воспроизводится по современному официальному переводу на русский язык, откуда и некоторая его архаичность).

Первая статья договора прямо говорила о восстановлении мира между Россией и Швецией: «Мир, дружба и доброе согласие пребудут отныне между е. в-вом императором всероссийским и е. в-вом королем шведским; высокие договаривающиеся стороны приложат все свое старание о сохранении совершенного согласия между ими, их государствами и подданными, избегая рачительно всего того, что могло бы поколебать впредь соединение, счастливо ныне восстанавливаемое».

Вторая статья предусматривала посредничество российского императора в восстановлении мира Швеции с Францией и Данией: «самым формальным и наисильнейшим образом не упускать из виду ничего, что с его стороны может споспешествовать скорому заключению мира между ним и е. в-вом императором французским, королем итальянским и е. в-вом королем датским и норвежским с помощью переговоров, непосредственно с сими державами уже открывшихся».

Важнейшей статьёй договора стала статья III, которая говорила о согласии Швеции присоединиться к континентальной системе: король шведский «обещает приступить к системе твердой земли (так в буквальном переводе с французского именовалась тогда континентальная блокада) с ограничениями, кои подробнее постановлены будут в переговорах, имеющих последовать между Швециею, Франциею и Даниею». Также шведский

История

король обещал закрыть порты страны для британских военных и торговых судов, однако тут же была сделана, естественно, с согласия России, весьма существенная оговорка, которая, как это ни парадоксально, во многом сводила на нет всю систему наполеоновской колониальной блокады. Весьма существенное исключение было сделано для «привоза соли и колониальных произведений, соделавшихся от употребления необходимыми для жителей шведских». Причем российская сторона заранее обещала поддержать эти изъятия на переговорах с Францией и Данией: «впредь принять за благо все ограничения, какие союзники его почтут справедливыми и приличными допустить в пользу Швеции относительно торговли и купеческого мореплавания».

Четвертая статья была посвящена оформлению отказа Швеции от Финляндии: «Е. в-во король шведский как за себя, так и за преемников его престола и Королевства Шведского отказывается неотменяемо и навсегда в пользу е. в-ва императора всероссийского и преемников его престола и Российской империи от всех своих прав и притязаний на губернии, ниже сего означенные, завоеванные оружием е. и. в-ва в нынешнюю войну от державы шведской, а именно: на губернии Кимменегардскую, Ниландскую и Тавастгускую, Абовскую и Биернеборгскую с островами Аландскими, Саволакскую и Карельскую, Вазовскую, Улеаборгскую и часть Западной Ботнии до реки Торнео, как то постановлено будет в следующей статье о назначении границ». Сразу же бросалось в глаза, что в трактате не говорилось о Финляндии, как чем-то целом, а перечислялись входившие в ее состав губернии.

Пятая статья договора устанавливала новую границу между двумя государствами по рекам Торнио-йоки и Муонио-йоки, причем подробно оговаривалась государственная принадлежность островов по течению этих рек. Кроме того, предусматривалось немедленное назначение инженеров «с одной и другой стороны, кои явятся на места для постановления границ вдоль рек Торнео и Муонио по вышеначертанной линии».

По шестой статье со стороны российского императора подтверждались обещанные ранее, в ходе войны, гарантии сохранения в Финляндии лютеранства и прежних шведских законов: «Поелику е. в-во император всероссийский самими несомненными опытами милосердия и правосудия ознаменовал уже образ правления своего жителям приобретенных им ныне областей, обеспечив по единственному побуждению великодушного своего соизволения свободное отправление их веры, права собственности и их преимущества,

то его шведское в-во тем самым освобождается от священного, впрочем, долга чинить о том в пользу прежних своих подданных какие-либо условия».

Седьмая и восьмая статья предусматривала прекращение всех военных действий, отвод российских войск со шведской территории. Девятая статья обстоятельно прописывала порядок обмена пленными.

Ряд статей обстоятельно рассматривал «технические» стороны присоединения Финляндии к России. Весьма важной для жителей Финляндии и ее уроженцев, оказавшихся в Швеции, была статья десятая, которая гарантировала для финляндцев право свободного возвращения в Финляндию, а также возможность выехать в Швецию для тех, кто хотел бы покинуть Финляндию. Предусматривался порядок продажи их владений в течение трех лет. Статья XI гарантировала полную амнистию для тех подданных шведского короля, кто перешел на сторону России: «Отныне будет вечное забвение прошедшего и всеобщее прощение обоюдным подданным, коих мнения или деяния в пользу той или другой из высоких договаривающихся сторон во время сей войны ввели их в подозрение или подвергнули суду». Двенадцатая статья предусматривала передачу российской стороне различных документов, касавшихся Финляндии, текстуально «Акты на владения, архивы и другие документы, общественные и частные, планы и карты крепостям, городам и землям, доставшимся по сему трактату е. в-ву императору всероссийскому, со включением карт и бумаг, какие могут сыскаться в Межевой конторе». Тринадцатая и четырнадцатая статьи устанавливали порядок урегулирования различных спорных вопросов, в том числе и финансовых, между жителями собственно Швеции и финляндцами, пятнадцатая статья предусматривала трехгодичный срок урегулирования возможных вопросов наследования имущества, которые могли возникнуть у подданных обеих стран.

Статья XVI предусматривала продление до 1/13 февраля 1813 года действия заключенного в 1801 г. российско-шведского торгового договора, срок действия которого заканчивался 17/29 октября 1811 г., но только в тех его положениях, которые не противоречили российской декларации от 1/13 января 1807 г., провозглашавшей присоединение России к континентальной системе.

Семнадцатая статья разрешена беспрепятственную торговлю между Швецией и Финляндией на тех же основаниях, на каких она производилась, когда Финляндия была частью Шведского королевства: «финляндцам позволяется из Швеции вывозить руды, железо в крицах,

известь, камни для строения плавильных печей и вообще всякие другие произведения земли сего королевства. Во взаимство того шведы могут из Финляндии вывозить скот, рыбу, хлеб, холст и смолу, доски, деревянную всякую посуду, строевой и дровяной лес и вообще все другие произведения земли сего великого княжества».

Статья XVIII повторяла положение, содержащееся во всех предыдущих, начиная с Ништадского (1721 г.) мирного трактата со Швецией, о разрешении шведов закупать в России и беспошлинно вывозить 50 тыс. четвертей хлеба.

Наконец, статья XIX обговаривала вопрос о взаимной «салютации» кораблей обеих стран. Статья XX предусматривала дружеское урегулирование могущих возникнуть проблем: «Если бы произошли затруднения по каким-либо пунктам, о которых не постановлено в сем трактате, то оные будут рассматриваемы и определяемы дружественно обоюдными послами или полномочными министрами с таким же миролюбивым расположением, на каковом основано заключение сего трактата». Заключительная XXI статья определила срок в четыре недели ратификации обеими сторонами договор и обмена ими в Санкт-Петербурге.

На следующий день сообщение о подписании мирного договора во Фридрихсгаме и его текст пришли в российскую столицу. Александр I написал по этому поводу сестре Екатерине Павловне: «Мир со Швецией, о котором я сообщаю, таков, как я и желал. Этот мир превосходит и полностью таков, как я хотел. Я не могу не возблагодарить Верховное существо. Полная уступка Финляндии до Торнео с Аландскими островами, присоединение к континентальной системе и закрытие портов для Англии, и, наконец, мир с союзниками России: все заключено без посредников»³⁹.

Сохранилось описание торжеств в Санкт-Петербурге по поводу заключения мира. 6(18) сентября мир со Швецией был «возвещен» жителям столицы пушечными выстрелами с Петропавловской крепости. В «Московских ведомостях» подчеркивалось, что «присоединение к Российской империи целого Великого княжества Финляндского и Аландских островов обеспечивает навсегда пределы России с сей стороны от неприятельских покушений»⁴⁰. На следующий день, как писала газета, было принесено «благодарственное Всемогущему Богу молебствие» в Исаакиевском соборе. «Для торжества сего собраны были войска, числом 15 089 человек со 104 орудиями, стоявшие в параде на площадях Дворцовой, Исаакиевской и Петровской, и по прилегающим к ним улицам». Командовал войсками великий

князь Константин Павлович. В торжественной процессии из Таврического дворца до Исаакиевского собора принимали участие император Александр I, императрицы Елизавета Алексеевна и Мария Федоровна, великие князья. Перед храмом процессия была встречена митрополитом Санкт-Петербургским и Новгородским Амвросием (Подобедовым). Во время молебствия, «при возгласении Тебе Бога хвалим, началась пальба с крепости и из всех бывших при параде орудий, а войсками пущен был ружейный огонь». После молебствия Александр I, остановившись перед памятником Петру I, «салютовал ему со всеми войсками своими, и тем воскрешал память великих дел Полтавского Победителя». В церквях весь день продолжался колокольный звон; а вечером весь город был иллюминирован⁴¹.

Оценку Александром I заключенного трактата можно найти в ряде документов. Так, например, в рескрипте главнокомандующему в Москве генерал-фельдмаршалу И. В. Гудовичу император писал: «Таким образом, положен конец войне, коей разные происшествия приобрели Российскому воинству незабвенную славу; а окончание ее, присоединив к Империи страну, населением народа трудолюбивого, успехами земледелия, торговыми пристанями, важными укреплениями и твердынями Свеаборга знаменитую, распространило и вместе с тем на вечные времена обеспечило пределы Отечества нашего»⁴².

Более развернутая оценка Фридрихсгамского мира и его значения для России была дана Александром I в обращенном к стране манифесте, который был подписан 1(13) октября. Автором текста манифеста, скорее всего, был Н. П. Румянцев, который контрассигновал документ⁴³. Манифест начинался со своеобразного краткого экскурса в историю взаимоотношений России со Швецией: «В течение семи столетий непрерывные почти войны потрясали спокойствие народов, предоставленных природою хранить доброе и мирное соседство. От самых отдаленнейших времен до дней наших, от славных побед благочестивого предка нашего святого и великого князя Александра Невского до настоящего мира редко проходило двадцать сряду лет, и никогда почти не протекало полвека, чтоб война между ими не возникла. Колькратно мир, кровью народов запечатленный, вскоре после того был по стечению обстоятельств снова расторгнут! Колькратно Финляндия, всегдашний предмет и позорище сей войны, страдала, истребляема огнем и мечом!» Далее Александр напоминал о событиях XVIII в., об итогах войн со Швецией 1700—1721 гг. и 1741—1743 гг.: «Успехами оружия славных наших предков, превозможением их

История

и твердостью духа троекратно присоединяемы были к России разные части пограничных шведских владений. Часто постановляемы и многократно подтверждаемы были мирные трактаты. Взаимные и ощутительные пользы делали для обоих народов мир драгоценным». «Но причины войны были неиссякаемы. Споры о границах беспрестанно возрождались, и среди мира Россия не обретала в них твердой ограды своему спокойствию. При сей нетвердости пределов, противоположность в видах политических всегда новую и непрерывную представляла войне пищу». Итогом, по мнению Александра, было то, что «Провидению угодно наконец было сию долготную и всегда возрождающуюся прю соседственных народов решить окончательно в дни наши».

Затем шло конкретное объяснение причин последней войны и позиции России: «Настоящий разрыв возник от причин, кои в существе своем были одинаковы со всеми предыдущими. Преклонность Швеции к державе нам неприязненной (имелась в виду Великобритания – В.Р.), и близкий пример пылающего Копенгагена, были явным предзнаменованием враждебных мер на нас совершаемых. Оружием надлежало положить преграду сим совещаниям. Но восприяв оружие, мы тогда же готовы были остановить его действие. Первое движение наше было обратить занятие Финляндии российскими войсками в простую меру осторожности. Но советы наши и самые сильные убеждения остались безуспешны. Война соделалась неизбежною и последствия ее показали, что правое наше дело было под сильною вышнего промысла защитою». Ход войны описывался в столь же возвышенных тонах: «По следам древних побед, в странах, где Петр Великий приучал россов к воинской славе, храброе наше воинство мужественно подвизаясь, преоборая все препятствия, по глыбам льда проникая в места непроходимые, от пределов к столице нашей близких, простерло славу российского оружия до самых отдаленных стран Севера: покорило Финляндию, завладело всеми ее провинциями, одержало знаменитые острова Аландские, и объяв Ботнический залив, прейдя западную Ботнию, на отдаленных пределах ее утвердило свое обладание. На сем великом пространстве все города, порты, укрепления, самые твердыни Свеаборга пали во власть его. Путь к победам, не взирая на все сопротивление, еще был отверзт; но как скоро надежда к прочному миру представилась возможною, мы, с удовольствием оставив все выгоды воинского нашего положения, обратились к миру».

Объяснение основ заключенного мира и его год было геополитическим, причем эта мысль по-

вторялась в манифесте неоднократно: «В основания его мы постановили оградить империю нашу естественными и твердыми пределами (здесь и далее в цитатах курсив мой – В.Р.), отдалить и пресечь раз навсегда причину и предлог браней, и вместе с тем утвердить единообразие политической системы, положению обоих народов свойственной и святости наших союзов приличной». Последствия заключенного мира, «утвердив доброе соседство на незыблемых началах, должны истребить и навсегда уничтожить все причины к опасениям и раздору». «Сею твердою надеждою, постановлением империи нашей непредложных и безопасных границ, измеряем мы наипаче выгоды сего мира. Новая владения наши, с одной стороны огражденные Свеаборгом и другими крепостями, обеспеченные весьма важным для морской силы положением Аландских островов, с другой окруженные Ботническим заливом и отделенные от соседей большими реками Торнео и Муонио, всегда будут составлять твердую и незыблемую ограду Империи Нашей».

Был также сделан реверанс в адрес присоединенных финнов и Финляндии: «При таковых существенных выгодах сего мира не может быть для сердца нашего равнодушно присоединение к числу верных наших подданных народа финского. Бедствиями войны доселе почти непрерывно обуреваемый, отныне станет он на чреде народов, под сенью престола нашего покоящихся в тишине и безопасности. Шесть губерний со всеми принадлежащими к ним городами и селениями приобретают сим новое бытие и благословляют уже промысл Вышнего, судьбу их тако устрояющий». Александр I, кстати, довольно прозорливо предвидел экономический подъем Финляндии в ее новом положении, в составе Российской империи: «Обладая всеми портами и пристанями в Финском заливе, на Аландских островах и во всей восточной части Ботнического залива до самого Торнео, в стране плодоносной, изобилующей лесами и разными произведениями земли, населенной народом трудолюбивым и к мореходной промышленности издревле приобыкшим, торговля наша воспримет новое расширение, купеческое мореплавание получит новую деятельность, с тем вместе и воинское наше морское ополчение приобретает новые силы».

Любопытна реакция Франции на заключенный договор. Проницательный французский посол в Санкт-Петербурге Арман де Коленкур заявил министру иностранных дел, что статьи трактата решены не в духе Тильзитского договора, так как в них не выполнены задачи, налагавшиеся на Россию в отношении Швеции. Швеция полностью

не присоединилась к континентальной блокаде и даже не обязалась объявить войну Англии⁴⁴. На это же самое, но уже как на пример прозорливости, намекнул Румянцеву такой видный специалист по международным отношениям, как бывший министр иностранных дел Франции Шарль-Морис Талейран, который после встречи в Эрфурте стал оказывать российскому правительству некоторые, иногда весьма щекотливые услуги, и которому Румянцев отправил текст договора «на экспертизу». Талейран весьма велемечиво поздравлял российского министра с этим договором: «Это прекрасный труд великого государственного деятеля. Вы обеспечиваете Вашему государю и Вашей стране большую провинцию, очень интересную для Вашей столицы. Вы утешаете тех, кто вам ее уступает, за жертвой, которую они делают весьма реальной выгодой, подходящей для того, чтобы польстить жителям городов, части менее многочисленной и менее рекомендуемой из наций, но единственной, которая говорит, которая слушает и которая делает то, что можно назвать общественным мнением. Выгода, которую Вы представляете Швеции, продлится столь долго, как другие государства не признают свои торговые интересы, или, будучи обязаны действовать, будучи вынуждены действовать, как будто они не признают их. Вы также делаете маленькую милость англичанам, она показывает, что ваша верность континентальной системе не исключает своего рода примирительного благоволения: этим вы приоткроете у других держав дверь к более либеральным идеям, и вы укажете, что ваш кабинет с удовольствием увидит, что к ним возвращаются. Все это принадлежит высокой и в значительной степени умелой политике, и Вы составили его на нашем языке как самый точный публицист и как самый элегантный и самый точный член Французской академии. Мое самолюбие могло быть от этого ревнивым. Но моя дружба к Вам, которая гораздо сильнее, живо этим затронута. Она отвечает той дружбе, которую Вы сохраняете ко мне, и доверию, которые Вы мне сообразовали засвидетельствовать»⁴⁵.

Информацию о заключении Фридрихсгамского мира Румянцев уже в день его подписания отправил на другой конец Европы, где шла война России с Османской империей, в ставку главнокомандующего Молдавской (Дунайской) армией, генерала от инфантерии П. И. Багратиона, в лагерь под Силистрией. Получив депешу министра иностранных дел, Багратион поспешил поблагодарить «за столь поспешное сообщение известия о благополучно совершившемся между Россией и Швецией славном и полезном для отечества нашего

мире». Полученное сообщение Багратион не преминул использовать в пропагандистских целях. Он писал Румянцеву: «Обнародовав известие сие в княжествах Молдавии и Валахии, я в то же время принял через посредство генерал-лейтенанта Дюка де Ришелье, тайного советника и сенатора Кушников и коллежского советника Кирико все возможные меры, дабы помянутое известие, не яко от нас, но от лиц беспристрастных, или даже приемлющих участие в интересах Порты, происходящее, распространяемо было во внутренности Турецкой империи и дабы по мере возможности приличным образом внушаемо было туркам, что заключение мира со Швециею придает Империи неисчислимыя новые силы и предоставляет распоряжению Его имп. в-ва многочисленную армию отборнейшего войска, которая весьма легко может быть обращена против Порты Оттоманской, если сия последняя не последует примеру древней ее союзницы Швеции и не поспешит просить о мире»⁴⁶.

Фридрихсгамский мирный договор, сколь важным ни было его заключение, не стал окончательным решением всего сложного комплекса проблем, связанных с новым геополитическим положением дел в регионе – переходом Финляндии в состав Российской империи. Отмечу несколько важных актов, которые как бы достраивали для России новую геополитическую структуру европейского Севера на ближайшее столетие. Первый акт – российско-шведская конвенция об окончательном разграничении и делимитации между Швецией и Россией (Финляндией), подписанная в Торнео 8(20) ноября 1810 г. после тщательной геодезической работы на местности⁴⁷. Это был чисто технический акт, реализация положений Фридрихсгамского договора. Этот договор и заключенная в его развитие конвенция установили ту границу, которая и сегодня проходит между Швецией и Финляндией.

Вторым важным актом, с которым выступил Санкт-Петербург, стало присоединение к Великому княжеству Финляндскому так называемой «старой Финляндии», то есть тех территорий, которые отошли к России по Ништадскому мирному договору 1721 г. и Абоскому мирному договору 1743 г.⁴⁸ 11(23) декабря 1811 г. Александр I издал указ «О присоединении к Финляндии Выборгской губернии» и выпустил манифест «О именовании старой и новой Финляндии совокупно Финляндией»⁴⁹. Первый пункт указа гласил: «По местному положению старой Финляндии, находя полезным присоединить оную к Великому княжеству Финляндии, признали Мы за благо постановить следующее: Финляндская губерния присоединяется к Великому

княжеству Финляндии, и в общем его составе будет именоваться губернией Выборгскою». Остальные девять пунктов указа детализировали порядок распространения на присоединяемую территорию норм, действовавших в Великом княжестве. Манифест же фактически повторял главные положения указа: «С присоединением новой Финляндии к Российской империи, различие между старой и новою Финляндиею, как в наименовании их, так и в самом образе управления, находя излишним и настоящему положению сего края не свойственным, вняв мнению Государственного Совета, признали Мы за благо постановить следующее: 1. Старую и новую Финляндию отныне совокупно именовать Финляндиею. 2. Прежняя Финляндская губерния наравне с губерниями, в Финляндии существующими, отныне будет состоять в главном управлении, для сей страны Нами учрежденном»⁵⁰. Лишь учреждения Православной церкви на территории Великого княжества Финляндского оставались под управлением общеимперских ведомств, Святейшего Синода и епархиального управления⁵¹.

Третьим важнейшим актом, закрепившим добрососедскую направленность отношений России и Швеции после Фридрихсгама, стал российско-шведский союзный договор, подписанный 5 апреля 1812 г. в Санкт-Петербурге⁵², и дополнившие и развившие его условия две конвенции: 3(15) июня 1812 г., подписанная в Вильно⁵³, и 18(30) августа, заключенная в Або (Турку), во время встречи императора Александра I со шведским наследным принцем Карлом Юханом (Бернадотом)⁵⁴. Главным условием было согласие России на присоединение Норвегии к Швеции. Швеция подтверждала окончательный отказ от Финляндии. Эти соглашения стабилизировали отношения со Швецией и положение Великого княжества Финляндского в составе Российской империи⁵⁵.

И, наконец, четвертый акт – торговый договор между Российской империей и Соединенными королевствами Швецией и Норвегией, заключенный в Санкт-Петербурге 29 августа (10 сентября) 1817 г., который не случайно именовался «Дополнительный акт к Фридрихсгамскому мирному договору между Россией и Швецией». Дело в том, что торговые отношения между двумя государствами регулировались специальным трактатом, подписанным под самый занавес царствования императора Павла I 1(13) марта 1801 г.⁵⁶ Фридрихсгамский договор своей 16-й статьей продлил срок действия этого торгового договора до 1(13) февраля 1813 г. После 1813 г. этот срок неоднократно продлевался особыми соглашениями. Однако изменение политической карты Северной

Европы – переход Финляндии к Российской империи и возникновение в 1814–1815 гг. шведско-норвежской унии – делали настоящей существенную переработку условий торговли между двумя государствами, переговоры о чем начались уже в 1815 г.⁵⁷

В этом и состояла та перекройка всей политической североευропейского региона, первым и важнейшим этапом которой и были война 1808–1809 гг. и Фридрихсгамский мир. Не случайно, в современной Финляндии события 1808–1809 гг. рассматриваются как становление финского государства.

Крайне важным результатом этих преобразований было то, что именно этот небольшой период подвел черту под многовековыми проблемами и конфликтами в регионе: в историю ушли войны между Россией и Швецией, которые регулярно вспыхивали, начиная с середины XVI столетия. Новая международная архитектура североευропейского региона, краеугольными камнями которой были переход Финляндии как автономного Великого княжества под власть Российских императоров, возникновение шведско-норвежской унии, прекращение шведского присутствия в Северной Германии (еще с Тридцатилетней войны и Вестфальских мирных договоров 1648 г.), результатом чего было становление шведской системы нейтралитета, полностью отвечала стратегическим внешнеполитическим интересам России на североευропейском направлении. По сути, грандиозные преобразования отражали сложный путь модернизации региона в направлении от традиционного к современному обществу, первый шаг к формированию современной системы международных отношений.

Фридрихсгамский мир стал первым этапом фундаментальной перестройки всей политической карты Северной Европы, которая с 1805 г. оказалась основательно втянута в серию войн, получивших название наполеоновских. В результате сложного развития событий в 1813–1814 г. Швеция, заключившая уже в апреле 1812 г. союзный трактат с Россией⁵⁸ и вовремя примкнувшая к антинаполеоновской коалиции, сумела при поддержке России, Великобритании и Пруссии отнять у короля Дании Фредерика VI, последнего союзника Наполеона, – Норвегию (Кильский мир 14 января 1814 г.). Однако сопротивление норвежцев, не пожелавших принять навязанные им условия, привело не к включению Норвегии в состав шведского государства, а к заключению осенью 1814 г. шведско-норвежской унии, носившей во многом личный характер. Норвегия сумела восстановить свою государственность, принять конституцию, которая оказалась

чуть ли не самой демократической по тем временам. Возникшее в результате компромисса, достигнутого при активном участии российской дипломатии, новое государственное образование, существовавшее до 1905 г., носило название «Соединенные королевства Швеция и Норвегия». Чуть позже Швеция избавилась и от последних владений на Севере Германии – Шведской Померании и острова Рюген, которые в результате сложных тайных трехсторонних переговоров на Венском конгрессе (Швеция, Дания и Пруссия) при посредничестве России в июне 1815 г., привели к тому, что они достались давно жаждавшей их получить Пруссии.

И Полтава, как своеобразная начальная точка процесса, и Фридрихсгам как промежуточная точка, оказались важнейшими звеньями перестройки политической карты всей Северной Европы, трансформации биполярной системы двух мини-империй – Швеции и Дании – к созданию более

современной системы национальных государств, что, в конечном счете, отвечало стратегическим интересам России. В историю ушли как войны между Швецией и Россией, так и внутрискандинавские войны. На многие годы Северная Европа перестала быть предметом заботы руководства России, и это стало результатом того процесса, начало которому было положено Полтавой в 1709 г. и продолжено Фридрихсгамским мирным договором 1809 г.

Vadim V. Roginsky. Poltava and Fredrikshamn, 1709 – 1809.

The two epic dates in Russian and Northern Europe history. The article dwells on the interconnection of the two key moments in 18 – 19 centuries Russian history. The author shows interdependence of battle near Poltava of 1709 and the Fredrikshamn peace treaty of 1809. The two drastically changed the Northern Europe political landscape.

1. Термин «империя», применительно к Швеции XVII—начала XVIII вв. широко используется в англоязычной историографии. См., например: *Roberts, Michael*. The Swedish Imperial Experience, 1560—1718. Cambridge. UP. 1979; *Scott, Franklin D.* Sweden. The Nation's History. Chicago. University of Minnesota. 1977.
2. Текст договора опубли.: Русско-шведские экономические отношения в XVII в.: Сб. документов. М. 1960. С. 25—27; *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России. М. 1902. Ч. IV. С. 147—153; Литература: *Лыжин Н. П.* Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие. СПб. 1857; *Шаскольский И. П.* Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М.—Л., 1964; Его же. Экономические отношения России и Шведского государства в XVII в. СПб., 1998.
3. Опубли.: *Sveriges Traktater med främmande magter jemte andra ditt hörande handlingar*. Vol. 5. Hft. 1 (1572—1632). Stockholm, 1903. S. 347—358. *Brulin H.* Stilleståndet i Altmark 1629 // *Historiska studier tillägnade Harald Hjärne*. Uppsala, 1908.
4. *Attman, Artur*. Den ryska marknaden i 1500-talets baltiska politik i 1500-talets baltiska politik 1558—1595. Lund, 1944; *Idem*. The Russian and Polish Markets in International Trade 1500—1650. Göteborg, Kungälv, 1973; *Idem*. The Struggle for Baltic Markets. Powers in Conflicts 1558—1618. Göteborg. 1979; *Idem*. The Bullion Flow between Europe and the West 1000—1750. Göteborg, 1981; *Idem*. Swedish Aspiration and the Russian Market during the 17th Century. Göteborg. Kungl. Vetenskaps- och Vitterhets-Samhället. 1985.
5. Danmark-Norges traktater. B. IV. (1626—1649). København, 1917.
6. Военные и военно-дипломатические аспекты участия Дании в Великой Северной войне рассмотрены в восьмитомном фундаментальном исследовании, подготовленном датскими военными историками в конце прошлого—первых десятилетиях нашего столетия: *Bidrag til den Store Nordiske Krigs Historie / Udg. af Generalstabten*. B. 1—8. Kbh., 1899—1922.
7. *Возгрин В. Е.* Травентальский договор и его значение в истории Северной войны // *Скандинавский сборник XX*. Таллинн, 1975. С. 81—91; *Jensen B.* Dansk-russiske relationer, 1697—1709.
8. См., например: *Исторический лексикон XVIII век*. М., 1996. С. 603—606 (статья «Русско-шведские войны»).
9. *Тарле Е. В.* Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958; *Тарле Е. В.* Сочинения. Т. 10. М., 1959. С. 361—841.
10. См. например: *История Северной войны 1700—1721 гг.* М.: Наука. 1987.
11. *Фейгина С. А.* Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М. Изд-во АН СССР. 1959.
12. *Никифоров Л. А.* Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадский мир. М. Изд-во АН СССР. 1959.
13. *Стилле А.* Карл XII как стратег и тактик в 1707—1709 гг. Пер. со швед. А. Полторацкого. С предисл. С. Платонова. СПб. 1912.
14. *Englund, Peter*. Poltava. Berättelsen om en armés undergång. Stockholm. 1988. *Энглунд, Петер*. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М. Новое литературное обозрение. 1995. (В 2009 г. перевод этой книги на русский язык был переиздан).
15. См. неоднократно переиздававшиеся книги: *Павленко Н. И.* Петр Великий. М. «Мысль». 1994; *Его же*. Птенцы гнезда Петрова. М. «Мысль». 1994. 397 с.
16. *Анисимов Е. В.* Петр Великий. Личность и реформы. СПб. Питер. 2009.
17. *Григорьев Б.* Карл XII, или пять пуль для короля. М. Молодая Гвардия. 2006.; ил. (ЖЗЛ: Сер. биограф.; Вып. 998).
18. *Беспалов А. В.* Северная война. Карл XII и шведская армия. М. «Рейтартъ». 2000; *Его же*. Сподвижники Карла XII. М. «Рейтартъ». 2003; *Его же*. Битвы Великой Северной войны 1700—1721. М. «Рейтартъ». 2005.
19. *Возгрин В. Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны. (История дипломатических отношений в 1697—1710 гг.). Л. «Наука». 1986.

История

20. Кан А. С. История скандинавских стран (Дания, Норвегия, Швеция). Учебн. пособие. 2-е изд., исправл. и доп. М.: Высшая школа. 1980., илл.
21. История Швеции. М. 1974.
22. История Норвегии. М. 1980.
23. История Дании с древнейших времен до XX столетия. М. Наука. 1996.
24. Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой половине XVIII в. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург. 2007.
25. Таирова-Яковлева Т. Г. Иван Мазепа. М., 2006. Яковлева Т. Г. Мазепа – гетман: в поисках исторической объективности. Новая и новейшая история. 2003. № 4.
26. Грот Я. К. Спренгтпортен, шведский эмигрант при Екатерине II // Журнал министерства народного просвещения. 1885. № 1. С. 1—34; № 5. С. 1—35. Ордин К. Ф. Спренгтпортен, герой Финляндии. Очерк его жизни по его бумагам и запискам // Русский архив. 1887. Т. 4. С. 469—502. Нарочницкий А. Л. Россия и Аньяльская конфедерация // Новая и новейшая история. 1967. № 3. С. 59—69. Kuusi, Sakari. Yrjö Maunu Sprengtporten. Jyväskylä. 1974. Keskinen T. Haavekuvani: Yrjö Sprengtportenin elämä, 1740—1819. Helsinki. 1983.
27. Ордин К. Ф. Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам: в 2 т. СПб. 1889. Т. 1.; Т. 2. Эта книга была переиздана к столетнему юбилею событий: Ордин К. Ф. Собрание сочинений по финляндскому вопросу. Т. 1—3. СПб. 1908—1909.
28. Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Александра I. СПб. 1909.; Его же. Краткая история Финляндии. СПб., 1911. VI.
29. Киняпина Н. С. Внешняя политика России первой половины XIX века. М. «Высшая школа». 1963.
30. Смусин Л. С. Фридрихсгамский договор 1809 г. и деятельность русской дипломатии // Проблемы отечественной истории. Ч. 2. М.—Л.: Институт истории СССР АН СССР. 1976. С. 23—42.
31. Кайвьярйнен И. И. Международные отношения на Севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 г. Петрозаводск. 1965.
32. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. Серия первая 1801—1815 гг. Отв. ред. А. Л. Нарочницкий. Т. 1—8. М.: Политиздат. 1960—1972. Том четвертый. Июль 1807 г.—март 1809 г. 1965; Том пятый. Апрель 1809 г.—январь 1811 г. 1967.
33. Hamström, Erik. Freden i Fredrikshamn. Uppsala, 1902. VIII.
34. Grade, Anders. Sverige och Tilsit-alliansen (1807—1810). Lund, 1913.
35. Sveriges krig åren 1808 och 1809. Utg. af Generalstabens krigshistoriska afdelning. Del. I—IX. Stockholm. 1890—1922.
36. Platen, Carl Henrik von. Stedingk: Curt von Stedingk (1746—1837): kosmopolit, krigare och diplomat hos Ludvig XVI, Gustav III och Katarina den stora. Stockholm, 1995. Перевод на русский язык: Платен, Карл Хенрик фон. Стединк. Курт фон Стединк (1746—1837): космополит, воин и дипломат при Людовике XVI, Густаве III и Екатерине Великой. Перевел со шведского Ю. Н. Беспятых. СПб, 1999.
37. Tommila, Päiviö. La Finlande dans la politique européenne en 1809—1815. Helsinki, Lahti, 1962.
38. Подлинник договора был составлен по-французски в двух экземплярах, которые хранятся, соответственно, в России в Архиве внешней политики Российской Империи МИД РФ (Ф. Трактаты) и в Швеции, в Государственном архиве (Riksarkivet, Traktater). Тогда же он был опубликован в обеих странах, в России с официальным переводом на русский язык, в Швеции — с официальным переводом на шведский. Затем, текст договора неоднократно воспроизводился на языке подлинника в различных публикация международных трактатов (например: Martens G. Nouveau recueil de traité. Gottingue. 1817. P. 19—29). Русский перевод публиковался в «Полном собрании законов Российской империи» (СПб, 1835. Т. 30. № 23883; С. 1188—1193) и в приложениях к вышеупомянутой книги Ордина (см.: Ордин К. Ф. Собр. соч. Т. 1. СПб, 1908. С. 293—301). В 1965 г. текст договора на французском языке и проверенным переводом на русский язык был воспроизведен в издании «Внешняя политика России XIX—начала XX века» (М. Серия первая. Т. 5. Док. 106.) В 1985 г. текст Фридрихсгамского договора открыл совместную советско-шведскую публикацию документов об отношениях между Россией и Швецией в 1809—1818 гг. В Москве был опубликован перевод на русский язык, в Швеции — на французском. (Россия и Швеция 1809—1818 гг. Документы и материалы. М., 1985. Док. 1; La Suède et la Russie. Documents et matériaux 1809—1818. Rédacteurs : Johnson Seved, Dubin V.V., Roginskij V.V. Upsal—Stockholm, 1985).
39. Александр I — великой княгине Екатерине Павловне. 6(18) сентября 1809 г. // Николай Михайлович, вел. кн. Переписка императора Александра I с сестрой великой княжной Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 25.
40. Московские ведомости. 22 сентября 1809 г. № 76. С. 1643—1644.
41. Там же.
42. Московские ведомости. 15 сентября 1809 г. № 74. С. 1610.
43. АВП РИ, ф. Санкт-Петербургский Главный архив (далее — СПб. ГА). I—10, оп. 28, 1809 г., д. 482, л. 1—2 об.; ПСЗ-I. Т. 30. № 23883. С. 1186—1188; Ордин К. Ф. Собр. соч. Т. 1. С. 290—293.
44. Коленкур—Шампани. Санкт-Петербург, 25 сентября 1809 г. // Николай Михайлович, вел. кн. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона. 1808—1812. Т. 4. СПб., 1906. С. 93—101.
45. АВП РИ, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 3743, л. 4—5.
46. Багратион — Румянцеву, № 1039. Лагерь под Силистрией, 1(13) октября 1809 г. // АВП РИ, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 1931, л. 85—87.

47. АВП РИ, ф. СПб. ГА. I—10, оп. 28, 1810 г., д. 480, л. 1—6 об; Исторический, статистический и географический журнал. 1811. Июнь. С. 221—235; Сборник пограничных договоров. СПб., 1891. С. 10—17; ПСЗ-I. Т. 31. № 24413. С. 429—433.
48. О присоединении «Старой Финляндии» к Великому княжеству Финляндскому в конце 1811 г. см. подробнее: *Paaskoski Jyrki*. G. M. Armfelt och Gamla Finland // *Historisk Tidskrift för Finland*. 82. 1997. № 3. S. 302—317.
49. ПСЗ-I. Т. 31. № 24907; Манифест 5 июня 1808 г. о присоединении Великого княжества Финляндского к России. Манифест 11 декабря 1811 г. о присоединении Выборгской губернии к Великому княжеству Финляндии. Постановление 31 декабря 1811 г. относительно преобразования Выборгской губернии. СПб., 1900; *Шиловский П.* Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903. С. 137—138.
50. ПСЗ-I. Т. 31. № 24907. С. 923; Манифест 5 июня 1808 г. о присоединении Великого Княжества Финляндского к России...; *Шиловский П.* Указ. соч. С. 129—130.
51. *Шиловский П.* Указ. соч. С. 130.
52. Русско-шведский союзный договор. Санкт-Петербург, 24 марта (5 апреля) 1812 г. // АВП РИ, ф. Трактаты, д. 1587/671, л. 539—558; *SRA Traktater. British and Foreign State Papers. V. I (1812—1814)*. P. I. London, 1841. P. 306—313; ВПР. Серия 1. Т. 6. Док. 130.
53. Дополнительная конвенция к русско-шведскому союзному договору от 24 марта (5 апреля) 1812 г. Вильно, 3(15) июня 1812 г. // ВПР. Серия 1. Т. 6. Док. 171.
54. Вторая дополнительная конвенция (секретная) к русско-шведскому союзному договору от 24 марта (5 апреля) 1812 г. Або, 18(30) августа 1812 г. // АВПРИ, ф. Трактаты, д. 1593/671, л. 2—9; ВПР. Т. 6. Док. 230.
55. Подробнее об отношениях России со Швецией в 1812 г. см.: Россия и Швеция 1809—1818. Документы и материалы...; *Рогинский В. В.* Союз Швеции и России: 1812 год. М., 1978; *Tommila P.* Op. cit.
56. ПСЗ-I. Т. 26. № 19767. С. 549—565; *Martens G.* Recueil des principaux traités. T. 7. Gottingue, 1831. P. 315—335; *Martens G.* Supplement. T. 2. Gottingue, 1802. P. 307—327.
57. АВП РИ, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 12959. л. 1816—1817. № 1—37. 5 папок; ВПР. Серия 2. Т. 1(9)—2(10).
58. О российско-шведских отношениях на заключительной стадии наполеоновских войн см. публикацию документов: Россия и Швеция 1809—1818. Документы и материалы. М., 1985.